

ценности), региональные культурные контакты и мн. др. Таким образом, тенденция к диалогу двух культур, основанная на взаимном интересе итальянцев и русских друг к другу, подтверждается всей 500-летней историей наших культурных взаимоотношений.

Анисимов Е. Время петровских реформ. СПб., 1989.

Ванин А. Советско-итальянские отношения: Проблемы, тенденции, перспективы. М., 1982.

Головина Л. В. Русская живопись первой половины XIX века. М., 2002.

Ерачина О. Кружево плетется в течение 1500 часов. Вечерний Екатеринбург, 15 окт. 2005.

Ильина Т. В. Русское искусство XVIII века. М., 1999.

Италия и Европа: Сб. ст. В 2 ч. / Отв. ред. Комолова И. П. М., 1990.

Каган М. С. История культуры Петербурга. СПб., 2006.

Коваль Л. М. Русско-итальянские общественные связи: Россия. Италия. М., 1981.

Ларионова Ю. Б. и др. Италия. Вокруг света. М., 2004.

Левашева О. и др. История русской музыки. Т. I. М., 1980.

Ливанова Т. Н. и др. Оперная критика в России. М., 1966, 1969.

Назаренко И. К. Искусство пения. М., 1968.

Пересветов Р. Т. По следам находок и утрат. М., 1961.

По Кремлю. / Ред. Л. Крекшина. М., 1970.

Тельтевский П. А. Московские шедевры. М., 1983.

Тимофеев Н. И. СССР — Италия: Культурные связи. М., 1980.

Шаркова И. С. Россия и Италия: торговые отношения XV—первой пол. XVIII в. Л., 1990.

В. П. Прытков
Екатеринбург

О КУЛЬТУРЕ МЫШЛЕНИЯ

Вопрос о культуре мышления относится к разряду «вечных проблем» философии. Действительно, раскрыть природу человеческого мышления пытались еще досократики [1. С. 432]. Направление дальнейших поисков задавалось бинарной оппозицией «натура-культура»; софисты противопоставляли то, что существует «по природе» всему, что существует «по уговору». Логика Аристотеля была создана в ходе полемики с воззрениями софистов. С тех пор изучение логики, математики и философии служит главным средством формирования культуры мышления. В недавнем прошлом, в условиях социальной стабильности, вопрос о культуре мышления казался чисто академическим, оставаясь сугубо внутренним делом научного и философского сообществ. О нем вспоминали лишь тогда, когда власти затевали очередные реформы в

образовании. Философы при этом подчеркивали: «Школа должна учить мыслить» (Э. В. Ильенков). До поры до времени наша школа справлялась с этой задачей.

Однако в современном российском обществе данный вопрос обретает небывалую остроту, самой историей он переведен из области теоретической в область социально-практическую. Об этом свидетельствуют многочисленные факты общественной жизни. Относительно вялотекущей «реформы» в образовании известен, например, «диагноз» академика В. И. Арнольда: «Образовательная яма». Показательно также название «Потерянный разум» недавней книги С. Г. Кара-Мурзы. По-видимому, «потерянный рай» теоретиков усилиями всего общества должен стать «обретенным раем», иначе наше общество не выживет.

Таким образом, необходимо дальнейшее философское осмысление рационального мышления как культурно-исторического феномена, как ценности и универсалии культуры. Обратимся к классикам философии. Кант писал: «Развитие способности разумного существа ставить перед собой любые цели вообще (следовательно, в его свободе) есть *культура*. Только культура может быть последней целью, которую мы имеем основание приписывать природе по отношению к человеческому роду...» [3. С. 273-274]. Следовательно, культуру он связывал со свободой человека. Как возможна связь культуры мышления с человеческой свободой? Ответ на этот вопрос, казалось бы, давно известен: культура мышления есть необходимое условие достижения истины — с одной стороны, а с другой — «и познаете истину, и истина сделает вас свободным» (Ин 8, 32). Однако подход Канта порождает многочисленные затруднения.

Во-первых, в наши дни вряд ли кто отважится приписывать природе саму культуру в качестве последней цели, ибо принцип целесообразности фактически исчез из естествознания Нового времени. Во-вторых, свобода как ценность есть предельное основание целеполагания. Культура же целеполагания не сводится к культуре мышления, поскольку первая предполагает возможность целедостижения, реализации цели. Следовательно, субъект целеполагания в современном обществе — это властный субъект. Теоретик может предлагать обществу сколь угодно благие и разумные цели, а власть может преследовать другие цели, в т. ч. прямо противоположные. В-третьих, Кант отмечал социальные противоречия, «страдания, связанные с прогрессом культуры» [3. С. 274]; их разрешение он видел в гражданском обществе. Он не мог предвидеть его суррогаты — «общество спектакля», манипуляцию

сознанием и т. д. Следовательно, подход Канта (или «проект Просвещения») не приближает к решению поставленного вопроса.

Как возможна культура мышления? Критический рационализм К. Поппера амбивалентен: он приемлем в посылках — когда призывает «не допускать заражения нашего мышления релятивизмом и иррационализмом»; но абсолютно не приемлем в заключениях, что «убежденность в авторитете объективной истины является неустрашимым элементом свободного общества, основанного на взаимном уважении» [6. С. 620]. «Свободное общество» Поппера — это такая же идеологическая иллюзия, как прусская монархия времен Гегеля.

Идеи И. Я. Лойфмана, на мой взгляд, весьма эвристичны для дальнейшего анализа понятия «культура мышления». Речь идет о трех видах универсалий культуры [5. С. 48].

Коммуникативные универсалии. В этом аспекте Лойфман характеризовал культуру как исторически определенную систему знаков, как символическую деятельность. Всякий изучающий логику постигает искусство оперировать различными языковыми знаками — высказываниями, предикатами, классами и т. д. Коммуникативную интенцию логики подчеркивал еще Аристотель. В «Топике» он отмечал, что диалектика полезна, в частности, для устных бесед «по той причине, что, ознакомившись с мнениями большинства людей, мы будем разговаривать с ними, исходя не из чужих, а из [их] собственных взглядов, отклоняя то, что нам кажется сказанным ненадлежащим образом» [2. С. 351]. В XX в. проблема коммуникации стала одной из главных философских проблем. Например, М. М. Бахтин писал, что «всякое изучение знаков, по какому бы направлению оно дальше ни пошло, обязательно начинается с понимания». Исследователи пришли к выводу, что центральной проблемой изучения человеческой коммуникации является объяснение понимания. Понимание же всегда диалогично, а диалог является началом логики — как формальной, так и диалектической. А. А. Ивин отмечает, что за более чем двухтысячелетний период после Аристотеля идея диалогичности логики не раз основательно забывалась. К сожалению, в большинстве отечественных учебников логики эту идею до сих пор не вспоминают.

Очевидно, что исправить сложившееся положение дел невозможно путем написания новых учебников, в которых бы логика излагалась в единстве с теорией аргументации, искусством полемики (эристики) и риторикой, искусством красноречия и убеждения. Исправить его вообще невозможно усилиями только научно-педагогического сообщества. Это станет возможным лишь в результа-

те коренного изменения культурной ситуации в нашей стране, т. е. в результате культурной революции. Нынешняя власть самоустранилась от государственного управления культурой. Впятная культурная политика просто отсутствует, ведь нельзя же таковой считать «швыдковщину», которая лишь подтверждает ранее высказанный мною тезис: «Постмодернизм — это ВИЧ-инфекция культуры». Однако лекарство от этой инфекции существует, им является классическое наследие. Иного не дано!

Технологические универсалии. В качестве таковых И. Я. Лойфман рассматривал правила. При этом он основывался на идеях К. Леви-Строса и А. Вежбицкой. Многие авторы, изучающие вопрос о культуре мышления, практически редуцируют ее содержание к технологическому измерению. Действительно, арсенал традиционной формальной логики содержит множество правил: правила деления объема понятий, правила определения, правила силлогизма и т. д. Казалось бы, усвоение этих правил в школьные (или студенческие) годы должно само собой обеспечить довольно высокий уровень культуры мышления в обществе. Однако в современном российском обществе этот уровень весьма низок. Почему знание указанных правил не обеспечивает рациональность мышления хотя бы среди лиц с высшим образованием? Количество таких растет из года в год, а качество знаний и уровень культуры мышления, неуклонно снижаются.

Каковы причины того, что люди мыслят неправильно? Английский логик В. Минто, отвечая в конце XIX в. на аналогичный вопрос писал: «Этому содействует множество причин: удобство учителя и ученика, любовь к новизне, к симметрии, к тонкостям; с одной стороны, лень ума, а с другой — его беспокойная деятельность...» [7. С. 10]. Заметим, что все указанные причины не выходят за границы сфер науки и образования. Далее В. Минто обращается к социально-культурным условиям формирования Аристотелевой логики и утверждает, что она «по ее первоначальному назначению, была таким же практическим руководством, как трактаты о мореплавании или руководства к игре в вист. ... Действительно, эта логика была рядом руководств для модной тогда умственной игры — особого вида прений, диалектики, игры в вопросы и ответы, столь полно проиллюстрированной в диалогах Платона и связанной с именем Сократа» (подчеркнуто мною — В. П.). В результате В. Минто приходит к социально-психологическому объяснению этого удивительного и загадочного феномена: «Никакой другой народ не мог бы спорить так, как греки, не доходя до потасовки; эта характерная черта осталась у них неизменной в

течение двух тысяч лет» [7. С. 12]. Признать данное объяснение полным и убедительным мешают известные культурно-исторические факты.

Нельзя также согласиться с другими выводами В. Минто — с тем, что во времена Аристотеля главной была следующая максима: «Согласуй свой мысли друг с другом». Дело в том, что Стагирит выдвигал два критерия истины — материальный и формальный. Первый критерий требовал исходить из истинных посылок, в смысле классической концепции истины (суждение должно соответствовать реальности, действительному положению дел, фактам). Современные философы и логики во избежание путаницы разводят понятия «истинность» и «правильность». При этом истинным является тезис: «Логика Аристотеля не будет лишней до тех пор, пока слова будут вводить людей в заблуждение» [7. С. 22]. Т. е. никогда не будет лишней до тех пор, пока существует вид *Homo sapiens*.

Но будет ли она достаточной? Нет, традиционная и современная формальная логика не создают достаточных условий, обеспечивающих культуру мышления. Логика сильна, но не всемогуща. Между тем некоторые авторы [8] склонны преувеличивать ее силу. Программа В. А. Светлова по разработке «логики с человеческим лицом» не может быть реализована из-за ненадежности ее теоретико-методологического фундамента, в т. ч. непродуманности аксиологического аспекта проблемы.

Аксиологические универсалии. К ним принадлежат идеалы. Какие идеалы необходимы для формирования культуры мышления? Культуру мышления и культуру речи И. Я. Лойфман [5. С. 48] относил к личностной типологии культуры. Следовательно, первое необходимое условие культуры мышления можно выразить следующей максимой: «Стать, быть и оставаться личностью при любых внешних обстоятельствах». Реализация этого требования служит средством сопротивления всяким попыткам манипулировать сознанием личности и общества. В современных условиях культура мышления есть культура сопротивления, стойческого противостояния нахлынувшему потоку иррационализма и обскурантизма, разрушению норм здравого смысла и рассудка. Гегель писал: «Культура мысли... достигается лишь благодаря критическому познанию форм рассудка» [4. С. 153]. В наше время следует перенести акцент с критики на поддержание указанных норм.

Авторы, призывающие к восстановлению норм мышления, выработанных эпохой Просвещения, упускают из виду аксиологические аспекты данной проблемы. Кантовский «человек, подчиняющийся моральным законам» есть носитель таких добродетелей,

как «благодарность, послушание и смирение» [З. С. 288-289], находящихся в явном противоречии с идеалами стоического сопротивления. Где взять такого человека? Следовательно, аксиологический аспект вопроса о культуре мышления является наименее разработанным в теории и наиболее трудно реализуемым на практике. Во времена Канта философия была законодательством Разума, в наши дни философы должны быть адвокатами Разума.

1. Платон. Собр. соч. в 4 т. М., 1993. Т. 2.
2. Аристотель. Сочинения в 4 т. М., 1978. Т. 2.
3. Кант И. Собр. соч. в 8 т. М., 1994. Т. 5.
4. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В 3-х т. М., 1970. Т. 1.
5. Лойфман И. Я. Мироззренческие студии: Избр. работы. Екатеринбург, 2002.
6. Поппер К. Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания. М., 2004.
7. Минто В. Дедуктивная и индуктивная логика. Екатеринбург-Бишкек, 1997.
8. Светлов В. А. Практическая логика. СПб., 1995.

С. Ю. Ражева
Екатеринбург

ОБРАЩЕНИЕ К КУЛЬТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ В ПОИСКАХ СИЛЫ, УПРАВЛЯЮЩЕЙ ВДОХНОВЕНИЕМ МАСТЕРА

Культура, являясь формой деятельности людей, решает вопрос о соотношении воспроизводства и трансформации, обновления. Как у всякого глобального вопроса философии, у него нет универсального ответа. Если на ранних этапах человеческого общества главной формой была традиция, обеспечивающая сохранения социальной организации, то затем все более значимой становится инновация, а в последние десятилетия — взаимодействия различных традиций, инноваций в той или иной пропорции, диктуемой конкретными социокультурными условиями (1, стр. 343).

Современное российское общество открыто как для западно-европейской, так и для дальневосточной цивилизации. Люди чаще вступают в межкультурный диалог, поскольку многие из них уже осознают хрупкость культурного мира, возможность безвозвратных потерь в разных его проявлениях, в том числе и в сфере техник и практик развития творческих способностей человека.

Культурные традиции могут служить неисчерпаемым источником вдохновения, новых идей, но только в том случае, если, во-